

А. АКУЛОВ

ЭКЗИСТЕНЦИАЛ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Экзистенциал^{*)} смысла жизни, а равно и более узкие, смежные ему экзистенциалы, мы относим не к сфере личности, а к сфере субъективного сознания. В здесь-теперь всплеск^е реальности (с воспоминаниями, интенциями, внутренними образами и т.п. включительно), мы никогда не увидим того, что принято называть личностью. Подозрение о наличии личности никогда не касается чего-то наглядного. Указание же на ненаглядное так и остается указанием, невзирая на леса из моделей, схем и раскладываний по раскладочным полкам.

Смысл жизни, как и многие другие экзистенциалы: "дом", "мать-земля", "родина", "Озирис" (имеют значение чувственно-внутреннее реалии, но не прагматико-географические и прагматико-этнические), характеризуется кажимостными аурами нетривиального. Эти ауры выходят за границу психической реальности в своих же отчувственных ссылках-продолжениях, а потому полнота здесь-теперь реальности всех названных экзистенциалов, за исключением маловероятных предельных случаев, может быть дана лишь частично.

Рассуждая о смысле жизни, мы тем самым претворяем в жизнь его ущербность — его бесструктурно-тоническая **цельность** при более дифференцированных рассмотрениях как бы исчезает, уничтожая сам экзистенциал как таковой. В определенной степени данный вполне реальный аксиологический уровень могут затронуть художественные образы, но только затронуть — обязательная передача в виде неких наитий и просветлений — редкость.

Ауры нетривиального нисколько не исключают примитивного, ввиду фактической скраденности какого-либо подобия структуры у общего витального смысла жизни. Это касается не только внутренней структуры, но и соответствий со структурой чего-либо. Тем не менее, вполне можно говорить о целом веере "малых" смыслов жизни. Последние иногда и сами могут выступать в качестве экзис-

*) Ошибка, допущенная при перепечатке. Здесь и далее
у автора: экзистенционал. (Прим. ред.) 225.

тенциалов. Их связь с "большим" смыслом жизни не может проходить через суммацию, накопление, слияние и т.п. Само выражение "малый смысл жизни" пропозиционально-безразмерно и достаточно условно в качестве узкого термина. Например, любой из "малых" смыслов жизни, на пиках из иллюзий и сверхценных идей хотя бы, может оказаться мегаскопически-космичным и превзойти по своей значимости и статусу "большой" смысл жизни. Экзистенциалы и квазиэкзистенциалы по отношению к реально данным субъективностям имеют связности между собой не по принципу геометрической сплошности, иерархий и непрерывностей, а по принципу эха и резонанса.

Независимо от того, рассматриваем ли мы последовательно "дежурные" экзистенциалы или берем сразу интенционально свернутый массив экзистенциальных представлений, мы можем выделить с той или иной степенью отчетливости, но достаточно явно четыре аксиологических дерева:

дерево смыслов жизни,
дерево критериев,
дерево целей,
дерево стимулов.

Остановимся на описании ветвей этих деревьев, что в настоящем докладе можно сделать только тезисно. Главное внимание мы уделим при этом дереву смыслов жизни.

Кроме уже названного смысла жизни — тотального невербализуемого экзистенциала-импульса можно видеть следующие: абсолютный, психейный (рефлексивно-рефлексный), умозрительный, реактивный, относительный, автономный, подспудный, бессмысленный, программный, отрицательный, панродовой, сновидный. Возможны различные варианты сопряжения этих смыслов жизни (с.ж.) между собой, например, не только в виде дерева, но и в виде пирамиды. В любом случае графическое изображение их в лучшем случае может отражать только приблизительно-усредненно характер взаимоотношений между ними, поскольку каждый из рассматриваемых с.ж.: не-константен, может обладать различным витальным объемом.

Ясно, что к проблеме с.ж. нельзя подходить абстрактно, в том числе исходя из начальных определений понятий "жизнь" и "смысл" — само высказывание "смысл жизни" почти идиоматично, несмотря на резонность возможного вопроса: "о какой "жизни" и

о каком "смысле" идет речь?" По крайней мере, сейчас нас несколько не интересуют биологический, термодинамический, квантово-биохимический, редокс-электронный и тому подобные с.ж., а между тем и в них заложена адекватная этим уровням суть, без которой невозможно какое-либо приемлемое (на этих же уровнях) определение биологической жизни — сущность жизни в данных случаях и ~~ока-~~зывается называется "с.ж.". Биологический с.ж. — это как бы кульминация организменной жизни, представляющая собой стыковку на внутриклеточном и даже квантовом уровне всех макроступеней организма.

Мы не ставим перед собой никаких натурфилософских задач и видим свою область в ментальном и окрестности ментального, но было бы ошибкой ограничиваться этим заведомо. Эту область следует рассматривать в качестве исходной точки отсчета. Под окрестностью ментального мы подразумеваем не мозг и не "психоаналитическое подсознание", но недифференцированную и ненаглядную заданность сознания помимо самого сознания.

Краткая характеристика вербализируемых с.ж.

I. Абсолютный с.ж. в своем общем виде весьма неглубок и представляет собой теорему с доказательством от противного. Он касается смысла наличия не только человека, сознания, но и всякого иного субъекта, пусть даже выдуманного. Глубину и масштабность он принимает только при соответствующих подстановках, становясь при этом иногда конгруэнтным другим с.ж. В теореме доказывалось, что смысл наличия какого-либо объекта есть его полное явление, но не нечто ради чего этот объект существует по предположению, т.к. при верности существования объекта ради чего-то другого смысл объекта заключается в передаточном, а передаточное и есть его полное явление. В сопутствующей теореме-лемме доказывалось, что передаточное есть полное явление объекта, но не какая-то его часть на том основании, что не взятые за передаточные части в этом случае могут быть рассмотрены как самостоятельные объекты со своим собственным передаточным.

Разумеется, все эти формальные построения вспомогательны. На место нашего "объекта" может быть поставлено конкретное сознание конкретного локуса времени, калейдоскоп сознания, поток сознания, собственно философский космос и т.п.

Косвенно абсолютный с.ж. затрагивает вопрос о различном течении времени для ощущений различной интегративности, об относительности времени для различных пластов одного и того же сознания.

2. Рефлексивно-рефлексный смысл жизни (РР с.ж.). Двойное прилагательное введено в термине для одновременной нейтрализации когнитивного оттенка слова "рефлексия" и физиологического оттенка слова "рефлекс". Таким образом, РР с.ж. не является ни сознательным, ни физиологичным. Он заключается в косвенно видимой результативности ненаглядного, дается "внавал" и сам по себе, может быть "естественен" и "противоестественен", может противоречить умственной кажимости, не говоря уже о рассудочной кажимости или кажимости разума. По отношению к РР с.ж. не имеют никакого значения "положительное" и "отрицательное", "благо" и "антиблаго", "добро" и "зло". РР с.ж. постоянно играет в перевертыши, ставя человека в тупик и низводя его до положения бабана, наделяя его то даром пифии, то рефлексам овцы. Конкретный РР с.ж. заключается в совокупности досознательных проторенностей и доминант, во внелогическом и внерациональном притяжении и отталкивании. Примером такого притяжения-отталкивания могут быть слова федормихайловичевского подпольца: "Печенка болит?? — так пускай ее, еще пуще болит!!" и его призыв плюнуть на логарифмы и по своей глупой воле прожить. Есть иллюзии разума по отношению к уму и сознанию в целом, но возможна иллюзорность и со статусом наглядной реальности. Если обычное сигнально-рациональное сознание и замкнулось в броне своего рационального кокона, то любой неизбежный выход за него показывает, что этот рациональный лужок подобен лужку сновидения.

3. Реактивный с.ж.. Связан с наличием положительных и отрицательных ощущений. Разновидностями реактивного с.ж. являются граничный, эмотивно-обыденный, тонко-эмотивный и мистический с.ж. Граничный с.ж. конкретно проявляется только в экстремальных условиях., при действительном, а иногда и пробном экспериментальном приближении к этим условиям.

Казалось бы, реактивный смысл жизни должен заключаться в стремлении от реактивного минуса к реактивному плюсу, однако вне сиюминутных ситуаций возникает парадоксальность: положительное фактически замещается отрицательным, а сам "плюс", "рай" отводится в воображаемую мнимую плоскость, оправдывающую теку-

шую деятельность, если она вполне добровольна, и делающую эту деятельность менее значимой отрицательно, если она малодобровольна. Часто наибольшее прагматическое значение имеет не стремление к реактивному плюсу, а стремление от реактивного минуса. Парадоксальность сохраняется и здесь, ввиду трафаретного согласия находится в аду за обещание рая.

Пресловутые гедонистические погруженности и гедонистические стремления вряд ли являются таковыми систематически и реально — имеет место не собственно гедонистическое, что снисходит до человека весьма редко, а те или иные суррогаты гедонистического, де факто упирающиеся в абсурд. Имеет место не гедонистическое, а гедонистический обман. Конечно, иллюзорно-гедонистическое есть также гедонистическое, но дурной привкус его полностью не скрыт в самом же реактивном. Гедонистическая направленность в виде убеждения, кредо, рекламы и т.п. отращивает. Реактивное же, каким бы оно ни было есть один из импульсов жизни, вычлененная гармоника смысла бытия вообще.

4. Умозрительный с.ж. В отличие от фиктивного разума (надумственного ума псевдореальной идеальности) ум есть зона реальных ощущений смысла, а отсюда ясно, что умозрительный (умственный) с.ж. есть не что иное как смысловой смысл жизни, что в прямом виде и выявляет себя как абсурд. При попытках рассматривать не собственно смысл как прозрачное экзистенциальное щупальце, но его информационно-структурную сторону, т.е. не смысл, а его наполненность, мы в данном случае уходим от вопроса. Осмысленность жизни надо искать не в придании ей сторонних значений, но в ее собственной же значимости. Вопрос заключается не в этажерке смыслов, но в углубленном взгляде на уже имеющуюся осмысленность, ее исток, т.е. в данном случае мы настаиваем на редуктивно-внутреннем взгляде.

При противоположном движении мы $\bar{p}$ приходим к экзистенциалу абракадабры. Экзистенциал Абракадабра, в отличии от экзистенциалов типа Тошнота, Абсурд и т.п. является эмоционально нейтральным. Абракадабра выступает как спокойная субъективная недоопределенность, непостижимость самого факта постижимости. При определенных точках отсчета вполне можно заявить, что все то, что мы видим, есть перемены некоего калейдоскопа, и хотя мы наблюдаем эти перемены и хотя нам иногда удается предсказать, какой переменой будет следующим, мы в совершенно строгом

смысле никогда не знаем, что они означают, зачем они нужны и что У это за калейдоскоп, т.е. все, что дано, есть абракадабра, а отсюда тем более абракадабра все то, что не дано. При желании на этом можно построить целую философскую систему.

При движении же к собственно смыслу как тонической мобильности, способности связывания, схватывания в нем можно видеть экстраполяцию еще большего смысла (подобно тому как в гедонистическом плюсе, реально предстоящем, есть экстраполяция еще большего плюса). Если в слабом страхе всегда есть некий оттенок запредельного ужаса, то и в малоинтенсивном смысловом феномене есть направленность на запредельный смысл — Логос. Логос можно рассматривать как экстраполятивно-конечный объект в ряду возрастания пронизываемости смысла: разлитый смысл — смысл-опознание, смысл-связь, канонический вербальный смысл, — смысл-догадка, — смысл-озарение.

Предельные смыслы неизбежно сближаются с предельными реактивностями, образуя предельный экзистенциальный монолит — Эрос — Логос — Хаос (запредельное положительное ощущение — запредельный смысл — запредельное отрицательное ощущение).

5. Относительный смысл жизни представляет собой наиболее разветвленную ветвь. Его можно представлять и как самостоятельное дерево. Относительный с.ж. заключается в совокупности направленностей, исходящих из целеполагающих предрассудков (предрасположенностей). Предрассудки (необязательно со знаком минус или оттенком отсталости и суеверия) имеют различные ранги и уровни, начиная с животно-растительной сферы человека и кончая серафической. Они не имеют для себя каких-либо строгих умственных обоснований и связаны с тем, что можно условно назвать главной человеческой потребностью.

Все те потребности, какие не являются потребностями прожиточного минимума, так называемые "необязательные" и "искусственные" потребности, мы относим к градациям потребности наполнителя. Потребности сна и наполнителя особенно близки друг к другу, а в феномене сновидений наблюдается их полное пересечение.

Если же исходить из представлений, соответствующих более имманентному, то потребность наполнителя оказывается направленностью на средства создания жизненного тонуса. Следовательно,

и потребности прожиточного минимума оказываются подчиненными более общей потребности в наличии жизненного тонуса.

Связь с относительным смыслом жизни здесь проявляется в зависимости положительного тонуса, настроения, дления импульса жизни вообще от конкретных человеческих предрасположенностей и психотипических особенностей. Вербализация относительного с.ж. необязательна, как и осознание. На рациональном уровне относительный смысл жизни проявляется в виде сверхмотивов, т.е. мотивов, не исчезающих на протяжении нескольких лет, десятилетий, всей жизни.

6. Автономный смысл жизни — это с.ж., исходящий из воображаемой абсолютной свободы, отсутствия необходимости и желаний как начальных условий. Тем самым он предполагает хотя бы временное зачеркивание остальных с.ж. и отвлечение от потока существования. Он предполагает отказ от любых персональных и мировых целей, вытекающих из устройства персонального и мирового, и создание той цели, какая невзирая на парадокс опровергла бы усомнение в ней.

То, что обыденно кажется желаемым, в то же время и насильственно. Так желания "дышать" и "пить" не могут считаться автономными желаниями сознания и желания ли это вообще? Можно проделать эксперимент: сделать выдох и попытаться не дышать. Этот эксперимент — пародия почти на любую человеческую деятельность как "желаемую", так и "нежелаемую"...

Автономный с.ж. как экзистенционал переходит через апорию Зенона, из личинки, ставшей бабочкой, исходит хотя бы из кажимостной остановки всего массива существования, предполагая надсуществование. Естественно, что он находится в самой вершине пирамиды с.ж.. Автономный с.ж. это не только с.ж. человека, но, скажем, и работа-интеллектуала, лишенного потребностей и стратегической запрограммированности.

7. Подспудный с.ж. Пусть мы видим, как по небу плывут облака. Мы их видим и не можем сказать, почему это облако именно такой формы, а не другой, почему восход и закат выглядят вплоть до деталей именно так, а не иначе.

Подспудный смысл существования — это всеобщий смысл существования, лежащий за гранью непосредственно данного, за гранью возможностей религии, философии и искусства. Он упира-

ется в кульминационный пункт существования мира. В качестве некоторой косвенной иллюстрации приведем строчки Вяч.Иванова:

Наше сердце глухо,
Наши персты грубы
И забыли губы
Дуновенье Духа...

8. Бессмысленный с.ж. Подразумевается спектр от собственно бессмысленного с.ж. до внесмысленного с.ж., но в области смежной смысловому, без какой-либо замены смысла (даже после его изъятия) чем-то иным, на том основании, что это "иное" всегда обладало бы смысловой компонентой как способом субъективной опознанности. Здесь мы не подразумеваем никаких алогичностей, никаких анτισмыслов, никаких обратных экстраполяций, типа экстраполяции антиабсолюта. Здесь идет речь о праабсолютной и добытийном (недобытийном). Бытию мы противопоставляем не сакральное небытие, но недобытие. Высшая бессмысленность — это бессмысленность, фундаментально не поддающаяся анализу, не являющаяся ни собственно неосмысленностью, ни собственно смыслом. В частном случае внесмысленность существования доходит до ума в виде факта фиаско самого ума, фиаско сознания в целом.

Законы прозы и законы кинематографа проступают помимо первоначальных желаний авторов и режиссеров, когда, например, автор вынужден убить героя, хотя этого делать и не собирался. Достижение здесь катарсиса странного рода не имеет ничего общего с постижением якобы правды, по правде герой может вполне благополучно выжить, главное здесь — это умение косвенно и подспудно привести читателя или зрителя к постижению бессмыслицы глубинного рода.

Глубинный бессмысленный с.ж. более фундаментален, чем рефлексивно-рефлексный с.ж. Бессмысленность заранее безлика, в отличие от рефлексивно-рефлексного она не рядится в частные одежды сама по себе. В партикулярные одежды ее может облечь только человек, стремящийся лучше уловить саму ее неуловимость, безликость, равнодушие.

9. Программный с.ж. (П с.ж.). Если косвенно судить по истории человечества, то этот с.ж. вовсе не имеет основ в том, чтобы люди плодились и размножались, потребляли и строили, познавали и чувствовали. Программа существования захоронена как

вне субъективного сознания, так и вне его буферных окрестностей. Времена и истории представляют собой как бы вивисекцию заведомого целого. Вся суть в способе такой вивисекции. Впрочем, ввиду отсутствия достаточных преамбул, этого заявления мы могли бы и не делать, остановившись только на дефиниции II с.ж. Программный с.ж. заключается в наличии ноуменально скрытого неопределенно-субстративного подобия пути, который в виде феномена последовательно и реже непоследовательно высвечивается локусом времени настоящего.

Ю. Панродовой с.ж., как и программный, имеет неопределенно-субстративные прототипы. Он вполне может противоречить социальному и историческому. Люди не принадлежат ни самим себе, ни обществу, ни государству, а тому ультраноумену, который Шопенгауэр чисто условно обозначил "гением рода".

Задействованность панродовым отчужденно проходит через мифическое, через те или иные панродовые образы: "мать-земля", образ "жизни-смерти", образ Озириса. Тонкие неспецифические ощущения от панродового способны спровоцировать статуи идолов, различные музейные и сакральные реликвии. Например, это характерно для стиля иконописи, в котором еще не преодолены языческие представления. В подобных иконах отсутствует то, что принято называть "благодатью".

Руинно-архаическое — это только одна из расцветок панродового. В панродовом культе значимость имеют, с одной стороны, сферы близкие к инстинктам, с другой — надобщение, связывающее в одно людей разных эпох, стран и положений. Подобное стремление к контакту-задействованности простирается и далее во все витальное.

Коллективные иллюзии, а нередко и коллективные ~~и~~ помешательства, в этой сфере властно требуют лжепророков, проповедников, подделанных фетишей и чудес. Сам факт подделок и обманов никакого значения не имеет, поскольку более важно вызывание-призывание соответствующей сосредоточенности, образование требуемой тоничности. Подделки здесь как бы играют роль прицелов на действительно значимую область. Отчуждение от панродового эквивалентно уничтожению.

II. Отрицательный с.ж. В обычном случае ничем не окрашенная бессмысленность жизни не может быть сама по себе каким-то

вредоносным фактором. Она должна, наоборот, способствовать спокойствию и безразличию. Фактором гнета, толкачом попыток переоценок является отрицательное оценивание жизни.

Человеческое цветение (т.е. иными словами, "счастье") возможно на самых различных уровнях; ограничителями его являются не столько зависимости от конъюнктурного оптимума, сколько пропорциональность, гармоничность, чувство меры в восприятиях, мотивах и действиях. Адекватность восприятий, действий и мнений мотивов для "счастья" вовсе не нужна. Важна не адекватность, а осуществление все тех же принципов "эха" и "резонанса". Отрицательный с.ж. воплощается в потске сознания через отказ от этих принципов, через отказ от своей природности в той или иной степени. Аутоагрессия здесь только вторична и относительна — отрицательный с.ж. чаще всего побочный продукт самовольства, как догматического, так и прометеевского толка. В более общем случае отрицательный с.ж. представляет совокупность моментов противопоставленных позитивным компонентам всех остальных с.ж..

12. Сновидный с.ж. (С с.ж.). Почти со стопроцентной уверенностью можно заявить, что в сновидении никто не задаст сам себе вопрос "в чем смысл жизни?" Сновидный смысл жизни — это разновидность панорамно-объемного квазисреднего смысла жизни. Последний, являясь непосредственным смыслом жизни, реликтов и характерен, обычно, только для детства.

Художественное в лице беллетристики и искусства является суррогатом сновидений. В зависимости от качества искусства, а также наличности аполлонейской или дионисейской направленности эти заменители могут быть и заменителями самой жизни в определенной степени.

Даже при полном отсутствии фрейдовской символики при факте перевода содержания снов в мнестическое бодрствование часто не исключено явление катарсиса необычного рода со скачкообразным повышением ценности существования — при этом происходит как бы оживление палеоядра сознания, скрытого и закрытого сигнально-рациональной обложкой сознания (СРОС). СРОС наличествует даже в сновидениях (я утверждаю, что сновидения небессознательны), но ее выраженность там заметно меньше; это уменьшение выраженности вполне коррелирует с ослаблением мнестической способности.

.....

Генеалогии смыслов жизни вполне адекватна генеалогия пластов существования. Из дерева с.ж. несколько выпадают в своей потенциальности собственно сновидный и панродовой с.ж. Выпадение сновидного с.ж. следует уже из классификации сновидений. Определенной категории сновидений (напр. сновидения — абстракции, сновидения — циклические потоки, сновидения — ходы, сновидения — лабиринты) соответствуют свои собственные смысловые генеалогии. Образуется ряд, уходящий по обе стороны в нечеловеческое. Панродской с.ж. выявляет себя как досубъективносознательным, так и надсубъективносознательным. В нем есть и элементы стадности и элементы космичности (экстраполятивное, присутствующее в фактуальном).

С.Ж. связаны с экзистенциальными целями, экзистенциальными критериями и стимулами. Наиболее свободны возможные классификации целей. Цели, смыслы и критерии выплывают на поверхность сознания и оказываются ментально плоскими. Стимулы же представляют собой глубинное измерение. Речь идет не о внешних житейских стимулах, но о малоотражаемом имманентном. Вполне четко можно выделить два класса имманентных стимулов: стимулы зарядки и стимулы разрядки. И тот и другой класс характеризуются антиинформационными феноменами, имеющими в себе перспективу антиинформационных ноуменов.

Позитивные смыслы и позитивные стимулы в тот или иной момент вполне наглядно могут отсутствовать. Позитивные цели и позитивные критерии есть всегда, независимо от того, как они выражены и в какой степени выражены. Следовательно, критерии и цели обладают большей значимостью как практические опоры. Именно их использует религиозная и всякая иная психологическая практика, имея самые различные задачи, в том числе и задачу реанимирования стимулов. Жизненные критерии и цели неизбежно связаны с самообманом, внушением, явной или скрытой подстройкой под конкретный этос и этнос. О значении святой лжи мы уже говорили. Если некогда в долине Нила было принято выдавать животных за воплотившихся богов, то сейчас в качестве коров обмана выступают самые различные культурологические сферы. Оставляя за аксиологической практикой, невзирая на все ее притворство, ее права, в сфере чистой философской теории (а, может быть, и в сфере чистого искусства, если подобное вдруг опять явится к нам на рубеже веков под каким-то новым флером) мы подчеркиваем доминанту экзистенцинала смысла жизни по отношению к экзистенциналам целей и критериев.